

Чувство, что тебя любят и заботятся, для него было как долгожданный дождь после засухи. Хотя он был в восторге, он всё же заметил, что сегодня Линь Шисинь иногда задумывался, словно погружаясь в свои мысли. Он подумал, что, возможно, гетеросексуалы, только что открывшие свою гомосексуальность, переживают период замешательства. В детстве, когда он осознал, что совсем не интересуется девушками, он тоже долго не мог смириться с этим. Дать Линь Шисиню несколько дней на размышления было правильным решением, но пять дней казались слишком долгим сроком. Вдруг он передумает и захочет вернуться к прежнему? Он решил, что четвёртого числа обязательно найдёт его, где бы он ни был, чтобы напомнить о себе.

Глубокой ночью вилла Ци была погружена в темноту. Ци Фэйжань поставил мотоцикл и поднялся на второй этаж. Проходя мимо спальни отца, он снова услышал сдержанные стоны Чэнь Миншэна, сопровождаемые непрекращающимся плачем. Он быстро поднялся на третий этаж в свою комнату. Раньше, слыша такое, он мог бы мысленно посмеяться над так называемым «талантливым студентом». Теперь же, вспоминая покрасневшие глаза и влажные, полуоткрытые губы Линь Шисиня, он почувствовал жар в груди и поспешил раздеться и зайти в ванную. Мысль о том, что следующие несколько дней он не увидит Линь Шисиня, делала каждый день мучительно долгим.

Выйдя из душа, он предположил, что в комнате отца всё уже закончилось, и спустился на первый этаж, чтобы выпить. Однако в чайной комнате он увидел Чэнь Миншэна, сидящего в халате и наливающего себе вино. Он не включил свет и сидел при лунном свете, его силуэт выглядел одиноким и жалким.

Услышав шаги, Чэнь Миншэн встал и поправил свой синий шёлковый халат.

— Молодой господин Ци ещё не спит? Хотите вина?

Он достал из шкафа стеклянный бокал и налил туда ХО. Ци Фэйжань кивнул, не глядя на него, открыл бар и взял нераспечатанную бутылку водки, после чего, покачиваясь, поднялся наверх.

Ци Фэйжань не хотел игнорировать Чэнь Миншэна, но понимал, что на его теле могли быть следы. Чэнь Миншэн крепко держался за свою одежду, и, когда он встал, стул громко заскрипел. Ци Фэйжань и так всё понял, и сесть вместе пить было бы ещё более неловко.

Чэнь Миншэн же не знал этого и решил, что его разоблачили и презирают. Он стиснул зубы, глядя на исчезающий в углу силуэт Ци Фэйжана, и почувствовал вкус крови во рту. Он выпил бокал, налитый для Ци Фэйжана, и в его голове всплыли тысячи злобных мыслей. Он вспомнил того чистого и красивого мальчика, которого Ци Фэйжань так бережно хранил в своём сердце, того, для кого он чистил кровати и кормил с ложечки. Чэнь Миншэн не смог сдержать горького смеха, чувствуя себя настоящим шутком.

Он решил, что должен познакомиться с Линь Шисинем, чтобы понять, что в нём такого особенного. Он, конечно, красив, но невысок и худощав — что в нём интересного? Говорят, он отличник, но разве он умнее Чэнь Миншэна? Только подружившись с Линь Шисинем, он сможет понять, что Ци Фэйжань в нём находит. Только войдя в их круг общения, он сможет привлечь внимание Ци Фэйжана.

Каждый год Ци Фэйжань возвращался сюда только на Новый год. Даже если он уходил на весь день, Чэнь Миншэн мог видеть, как он завтракает и уходит, а вечером возвращается. Для Чэнь Миншэна это уже было огромным счастьем. Он не был молодым талантом, внезапно появившимся рядом с отцом Ци Фэйжана, а шаг за шагом вошёл в этот дом. Даже если

произошло то, чего он не ожидал, даже если Ци Фэйжань забыл о нём, он не жалел.

Чэнь Миншэн вымыл бокал, убрал вино и, преодолевая боль, медленно поднялся вверх. Открыв дверь спальни, он увидел отца Ци, который в очках смотрел в планшет. Тот без выражения лица похлопал по месту рядом с собой. Чэнь Миншэн медленно подошёл и лёг.

Линь Шисинь добрался до городка Гуаньшуй, где жил Ли Сун, уже к полудню. Солнце светило ярко, и Ли Сун стоял у восточного моста, прикрывая глаза от света. Увидев, как автобус из центра города Ин остановился, он заметил Линь Шисиня, который, зевая, выходил из автобуса с инструментами для зимней рыбалки.

— С Новым годом, Сяо Линь! — улыбнулся Ли Сун.

— С Новым годом, Сяо Сун, — Линь Шисинь потер глаза.

— Плохо спал? — спросил Ли Сун.

— Нормально, — ответил Линь Шисинь.

На самом деле, позавчера он гулял по снегу, вчера смотрел на море и уже слегка простудился. Сегодня, перед рыбалкой, он принял таблетку ибупрофена, чтобы не заболеть сильнее.

— Что с твоими губами? Опять воспаление? — нахмурился Ли Сун.

Линь Шисинь поднял воротник свитера:

— Да, немного.

Дома Ли Сун достал из большой кастрюли приготовленные заранее блюда и накрыл стол. Линь Шисинь сидел на деревянной табуретке, постукивая по миске.

— Ух, копчёное мясо! Копчёная рыба! Обожаю это! — воскликнул Линь Шисинь, увидев большое блюдо, которое Ли Сун поставил на стол.

— Если бы начал коптить на несколько дней раньше, было бы лучше. Ты же говорил, что приедешь пятого... Попробуй, такой ли вкус, как раньше, — сказал Ли Сун.

Линь Шисинь взял кусочек:

— Отлично! Копчёное в большой кастрюле всегда вкуснее. Мама дома на газовой плите не может добиться такого вкуса... Эй, а где бабушка? Я принёс арахисовое молоко и пирог с финиками для неё.

— Бабушка ушла к бабушке Цуй на задний двор. В этом году её дети не приехали, и она осталась одна. Бабушка ушла туда вчера, — Ли Сун отодвинул блюдо с жареной капустой и ветчиной. — Это острое, тебе с воспалением лучше не есть.

Линь Шисинь снова услышал слово «воспаление» и задумался, стоит ли ему открыться своему лучшему другу, но решил, что это слишком сложно.

— Тебе холодно? Я добавлю дров, чтобы ты не тянул воротник.

Линь Шисинь: «...»

После обеда Линь Шисинь и Ли Сун поехали на тракторе на озеро Кэча. Озеро находилось на северо-западе города Ин, в городке Гуаньшуй, его береговая линия извивалась, а длина составляла 98 километров. Это было естественное озеро.

Они обследовали территорию в несколько километров, нашли место и начали копать. Под толстым слоем льда была чистая и холодная вода. Ли Сун опустил ловушку, а Линь Шисинь расставил сети.

— Какие рыбы в этом году? — спросил Линь Шисинь.

— Три цветка, пять луо и восемнадцать видов, но, скорее всего, этих трёх больше, — ответил Ли Сун.

— О, три цветка! Я хочу попробовать, — Линь Шисинь облизнулся.

Ли Сун рассмеялся:

— Кто это раньше, поймав трёхцветную рыбу, слюнки текли, но всё равно нёс её на рынок продавать? Ты, жадина, даже поймав, не станешь есть.

— В этом году я обязательно съем одну, только одну, — Линь Шисинь присел и начал копать ещё одну лунку.

— Ты приехал раньше, и я могу каждый день кормить тебя этой рыбой. Раньше ты приезжал слишком поздно, и лучшие рыбы уже были пойманы... Что с твоей шеей? — Ли Сун подошёл ближе и поправил воротник его свитера.

Линь Шисинь отстранился, держа в руке леску:

— Ли Сун, я должен тебе кое-что сказать. Я... возможно, я гей. У меня есть парень.

Рука Ли Суна с ледорубом дёрнулась, и большой кусок льда откололся, упав в воду и обрызгав Линь Шисиня.

Линь Шисинь: «...»

Ли Сун передал ему полотенце, и Линь Шисинь вытер лицо:

— Отлично. Ты первый, кому я открылся, и твоя первая реакция — облить меня холодной водой...

— Тебе нужно охладиться! Кто это? Ци Фэйжань? Я знал, что он не к добру! Ты в порядке? Кто говорил, что не любит геев? Как умер твой отец? Твоя мама знает, что ты гей?

Линь Шисинь присел, глядя на рыбу, и молчал.

Ли Сун: «...»

Он смотрел на его спину, сдерживая желание пнуть его в озеро. Закрыв глаза, он спросил:

— Он тебя заставил? Он насильно? Скажи мне, не бойся его. Если ты не можешь с ним справиться, я смогу. Я его убью, этого мерзавца. Он что, насильник? Он...

— Я сам этого хотел, — тихо сказал Линь Шисинь.

— Не может быть! — закричал Ли Сун.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/17671/1647139>